

Опилкин Алексей Сергеевич*, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных исследований РИСИ.

Развилки истории¹

Столетний юбилей событий 1917 г. в очередной раз поднимает вопрос об их причинах и предыстории. Российская империя начала XX в. существовала в сложных условиях, во многом обусловленных динамичными социально-политическими процессами внутри страны. Вопрос "что делать?", какой путь развития страны выбрать в это время, стал одним из центральных. Интеллигенция либерального толка и консерваторы, государственные служащие и общественные деятели, идеалисты и прагматики — люди самых разных взглядов, все те, кто считал себя (или на деле являлся) представителями и выразителями мнения власти и общественности, — дискутировали и спорили о путях развития России.

Динамика непростых взаимоотношений власти и общественности Российской империи начала XX в. является предметом исследования доцента исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Фёдора Александровича Гайды. Его основные научные интересы связаны с изучением российского либерализма начала XX в. Данной теме посвящены его кандидатская диссертация и первая монография: "Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 — весна 1917 г." (М.: РОССПЭН, 2003 г.). В рецензируемой работе историк поставил перед собой более широкую и амбициозную задачу — реконструировать взаимоотношения, диалог власти дореволюционной России с той частью общества, которая приняла активное участие в легальной публичной политике в последние годы существования Российской империи.

Ф. А. Гайда справедливо отмечает, что основные участники этого диалога потерпели поражение в результате событий и процессов 1917 г., ибо Россия пошла иным, более радикальным путём. Однако столь же справедливо утверждение специалиста, что темы диалога, "а зачастую и порождённые им ответы не потеряли своего значения и для нас, и для будущего"².

Для показа динамичных процессов взаимодействия власти и общественности в монографии используется хронологический принцип изложения и анализа — в каждой из пяти глав рассматривается отрезок в год–полтора истории Российской империи с конца 1910 по начало 1917 г.

Серьёзный научный подход чувствуется уже в начале книги, поскольку автор оговаривает терминологию: "власть" — преимущественно высшая бюрократия, а также Верховная власть, т. е. император; "общественность" — освободительная и консервативная цензовая образованная общественность,

* aleksey_opilkin@mail.ru

¹ Рецензия на книгу: *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 604 с.

² *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России... С. 9.

представленная в законодательных палатах и всероссийских организациях местного самоуправления, печати и политических партиях³; "Третьеиюньская система"⁴.

Ключевые проблемы, рассматриваемые в исследовании, касаются таких сюжетов, как взаимодействие власти и общественности по важнейшим политическим вопросам времени, выработка и сосуществование альтернативных концепций внутренней политики, осмысление политического настоящего и будущего России и Третьеиюньской системы.

Ставя своей целью показать внутреннюю политическую динамику Российской империи 1910–1917 гг., Ф. А. Гайда достаточно подробно, с опорой на различные виды источников, исследует сложность политической жизни, обусловленную влиянием различных факторов. Отставки и назначения, блокирование со вчерашними противниками в Думе, роль императора, личные связи и неприязнь, важность внешнеполитических доводов — эти и другие составляющие "политической повседневности" законодательной и исполнительной власти Российской империи влияли на ход политического процесса, и потому исследуются в монографии. Современники, особенно находящиеся в гуще политической борьбы, воспринимали данные процессы и события совсем не так, как видят их постфактум историки. Восстановление этого "режима реального времени", показ событий глазами современников — одно из главных достоинств работы.

В книге содержится целый ряд небезынтересных суждений как о конкретных людях во власти и оппозиции, так и об общем понимании происходящего представителями власти и общественности. В работе достаточно рельефно показана несимметричность информации в политической сфере. В частности, автор отмечает, что "бюрократия знала об оппозиции гораздо больше, чем либералы — о правительственных чиновниках"⁵, с одной стороны — вследствие приобретения опыта взаимодействия с оппозицией, с другой — благодаря улучшению полицейской системы сбора данных об оппозиции.

В исследовании на множестве примеров рассматриваются принципиально разные подходы к публичной политической деятельности представителей министерств, в чиновничьей логике рассказывавших о сделанном и планируемом, и появившихся профессиональных политиков — депутатов Государственной Думы, чьи выступления зачастую отличались "высоким градусом демагогии".

Одна из наиболее сильных сторон рецензируемой работы — реконструкция болезненного процесса формирования полноценной сферы публичной политики в Российской империи. На примере череды споров, дискуссий и политических кризисов автор демонстрирует формирование принципов и механизмов взаимодействия власти и общественности.

Значительное внимание в монографии уделяется воссозданию и анализу событий периода Первой мировой войны, когда возникли новые условия, изменившие расклад сил в публичном политическом поле Российской империи. Подробно рассмотрено появление новых де-факто

³ См.: Гайда Ф. А. Власть и общественность в России... С. 23.

⁴ Там же. С. 25–26.

⁵ Там же. С. 69.

политических акторов (Ставка, земский и городской союзы, затем военно-промышленные комитеты), их роль в изменении расклада сил между правительством и Думой⁶. Ф. А. Гайда демонстрирует, как уже в начале 1915 г. стремительно рассыпалось единство между правительством и оппозицией, и "стороны перешли к реализации тех стратегий, которые они планировали на послевоенный период"⁷. В дальнейшем этот процесс только усугублялся. Показано изменение настроений депутатов Думы на протяжении 1915 г., постепенная убежденность всё большего их числа в необходимости нажима на власть, возврат довоенной демагогической практики выступлений и откровенного популизма требований на фоне неспособности и нежелания министров работать под руководством И. Л. Горемыкина⁸.

Автор акцентирует внимание на постоянном запаздывании ответных мер власти на сугубо политические заявления и деятельность оппозиционных групп и кругов. Например, финансовый контроль Земгора⁹ и обязательность освещения реальных успехов военно-промышленных комитетов в прессе были введены лишь в середине 1916 г.¹⁰, уже после формирования позитивного образа этих организаций и его активного использования в политическом давлении на систему власти.

В целом, монография представляет собой последовательное и скрупулёзное изложение фактов, оценок и мнений современников о событиях и процессах, связанных с взаимоотношениями власти и общества в 1910–1917 гг. Количество ссылок на источники и литературу — по 500–700 на каждую из пяти глав — говорит об огромном объёме проделанной работы. В то же время личное мнение автора присутствует скорее на уровне структуры повествования и подбора источников, скупаясь в виде обобщающих и оценочных суждений по отдельным сюжетам в ходе повествования, а также в итоговой части параграфов и глав.

Необходимо отметить, что анализ структуры и взаимодействия таких многомерных и изменяющихся во времени коллективных субъектов, как "власть" и "общественность", представляет собой сложную задачу. По всей видимости, акцент, сделанный скорее на реконструкции данных взаимоотношений, чем на их анализ, предопределил характерные черты работы — фактографичность, обилие газетных оценок событий и персон, в ряде случаев повествование по дням с указанием множества приводящих обстоятельств. Данные особенности рецензируемой монографии затрудняют чтение, но помогают восстановить картину происшедших событий. Книга представляет собой научное, хорошо структурированное воссоздание и краткий анализ динамичных процессов взаимоотношений власти и общественности в Российской империи 1910–1917 гг.

Среди тезисов автора, подводящих итог исследованию, можно выделить утверждение о нежелании участников публичной политической дискуссии начала XX в. соотносить собственные корпоративные интересы

⁶ См.: Гайда Ф.А. Власть и общественность в России... С. 382–389, 416–417 и далее.

⁷ Там же. С. 390.

⁸ Там же. Параграф 5.1.

⁹ Земгор — полное название "Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов". Создан 10 июля 1915 г. в условиях острого кризиса боевого снабжения русской армии. — *Прим. ред.*

¹⁰ См.: Гайда Ф.А. Власть и общественность в России... С. 461.

с интересами общенациональными, а также тезис о системной слабости бюрократического строя в связи со стремлением системы к формализации. В результате исследования Ф. А. Гайда приходит к выводу о конфликте внутри политического класса (элиты), неспособного к прагматическому сотрудничеству, как главной причине крушения Российской империи. Автор не делает революционных научных открытий, однако его выводы на базе массива разноплановых источников представляются обоснованными, переводя предположения и догадки в аргументированные утверждения. Пример Российской империи показывает, какова реальная значимость субъектов публичной политики, и какое значение имеет их диалог для будущего страны, альтернативой которого стали слом, крушение политической системы, в огне которого погибли и основные боровшиеся между собой стороны — бюрократия и либеральная интеллигенция. Поучительный вывод для участников публичной политики столетие спустя.

Ключевые слова: *Российская империя — публичная политика — власть — общественность — оппозиция — конфликт.*

Keywords: *the Russian Empire — public policy — the authorities — the society — opposition — conflict.*